

Жизнь во славу Божию.

Краткое сказаніе о жизни и дѣяніяхъ
старца пещеръ Геосиманскаго скита
іеромонаха Варнавы.

въ 50-тилѣтію основаннаго старцемъ Иверскаго-Выксунскаго
монастыря.

1864—1914 г.

(† 17-го Февраля 1906 года).

Типо-Литографія Т-ва И. М. Машистова въ Н.-Новгородѣ.

Симеона Вар. нва

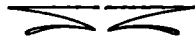
„Онъ жилъ во славу Божию“, — гласитъ надгробная надпись о приснопамятномъ старцѣ Варнавѣ, блаженно и столь благолѣпно почивающемъ въ тиши пещерной часовенки „у Черниговской“.

И кто-же изъ знавшихъ почившаго старца — утѣшителя, духовнаго отца, печальника многотысячной семьи народной, не признаетъ въ сихъ золотыхъ словахъ конечнаго заключенія славной повѣсти о его „житіи“ и не скажетъ отъ чистаго сердца: во истину такъ, — онъ жилъ во славу Божию?!

Кто изъ духовныхъ чадъ его при семъ не дастъ славы Богу, прославившему вѣрнаго раба Своего дивными дѣлами Своея любви и милости?!

Велегласно хвалитъ Господа и любимѣйшее дѣтище блаженнаго старца обитель Иверская — это лучшее украшеніе въ неуывдаемомъ вѣнцѣ славы на честной главѣ его. Милостію Божіею она вступаетъ нынѣ въ пятидесятую годовщину своего бытія, неразрывно связаннаго съ жизнію въ Бозѣ по-

чившаго старца, и по поводу сего юбилея творить благодарно память своего „кормильчика-батюшки“, предлагая благосклонному вниманію боголюбивыхъ читателей сіе краткое сказаніе о его жизни и дѣяніяхъ во славу Божію.

I.

„Вѣлы, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое, сущимъ по предудѣннїю званымъ“. (Рим. 1. 8, 28).

„Аще кто Мнѣ служитъ, почититъ его Отецъ Мой“. (Ин. 12, 26).

Предызбранный десницей Вышняго и отъ утробы матерней даже до конца ею ведомый вослѣдъ Христу, старецъ о. Варнава-- въ мѣрѣ Василій Ильичъ Меркуловъ--отъ юности воспрїялъ въ душѣ своей зачатки тѣхъ добродѣтелей, какія явили въ немъ впоследствии славнаго подвижника вѣры и благочестїя, истиннаго носителя и вѣрнаго^{кх} исполнителя завѣтовъ Христовой любви. Его первыми наставниками-воспитателями были родители--Илія и Дарїя,--люди простые, бѣдные, но и въ самомъ убожествѣ своемъ достопочтенные. Постоянный примѣръ ихъ доброй жизни въ тяжелой рабской долѣ крестьянъ того времени воспитывалъ и въ сынѣ ихъ будущаго неустаннаго труженика, безкровнаго мученика-терпѣливца и отца--печальника всѣхъ скорбящихъ и обездоленныхъ. Его младенческія лѣта шли безмятежно въ тиши родного крова; но и тогда уже было очевидно для окружающихъ особое божественное благоволеніе къ сему

избраннику, о чемъ свидѣтельствуя безхитростные рассказы—воспоминанія самого батюшки и его блаженной родительницы, бывшей впоследствии схимонахиней Иверскаго монастыря.

И тогда уже сему любимцу Божію открывается въ доступной мѣрѣ міръ таинственнаго. Благочестиво настроенное дитя временами какъ бы отрѣшается отъ земли и витаетъ въ сферѣ видѣній, сильныхъ къ воспріятію его младенческой души. *)

Схимонахиня Дарія.

Но вотъ онъ,—уже отрокъ, отрывается отъ милыхъ сердцу родныхъ полей, перепроданный со всей родной семьей иному владѣльцу, и переселяется на чужбину въ с. Нара-Оминская, Московской губ. Впервые, можетъ быть, глубокая скорбь сжимаетъ нѣжное сердце впечатлительнаго мальчика, а юная душа его межъ тѣмъ свыкается съ опытнымъ познаніемъ странническаго удѣла человѣка на землѣ. Отданный затѣмъ волею господина въ наученіе слесарному ремеслу, онъ закаляется въ трудѣ и терпѣніи на цѣложизненный подвигъ, а воля Господня тогда-же передаетъ его въ руки надежнаго наставника въ вѣрѣ и благочестіи, извѣстнаго въ той мѣстности подвижника монаха Геронтія. Зоркимъ духовнымъ окомъ старецъ провидѣлъ въ юномъ слесарѣ—подмастерѣ будущаго неустаннаго труженика на службѣ Богу и міру и почтилъ въ немъ избранника Божія,

---

*) „Жизнеописаніе“ старца. Изд. Ивер. об. 1907 г.

съ любовію приблизивъ къ себѣ. Со времени этого сближенія блаженнаго отрока со старцемъ и началось рѣшительное уклоненіе его жизненнаго пути отъ міра къ иночеству. Вступивъ въ духовное содружество съ монахомъ, веселый и подвижный мальчикъ Василій теперь уже не находитъ прежняго удовольствія въ играхъ и забавахъ съ товарищами, но по цѣлымъ днямъ въ праздники не отходитъ почти отъ своего батюшки Геронтія или же пребываетъ въ обществѣ монахинь сосѣдней съ селомъ Зосимовой пустыни, то присутствуя въ храмѣ за богослуженіемъ, то прислуживая имъ, какъ и „заправскій“ слесарь. Извѣстно, что въ прошедшемъ человѣка—сѣмена его настоящаго и будущаго, и кто же не призналъ бы теперь въ этомъ труженикѣ—слугѣ инокинь—отца и слугу великой обители, въ этомъ отрокѣ—другѣ и ученикѣ старца—будущаго друга—наставника народнаго и истиннаго всѣхъ благожелателя. Такъ изъ полубезсознательнаго сначала отрѣшенія отъ міра и его тѣнныхъ благъ съ теченіемъ времени въ душѣ Василія возникло неудержимое стремленіе къ иной жизни на землѣ для неба. И вотъ юному боголюбцу въ помощь отъ Господа является благоприятный случай къ исходу отъ міра: его благочестивая мать идетъ на богомолье къ „угодничку“ Сергію, и кроткій, теперь уже 20-тилѣтній, юноша Василій радостно сопутствуетъ ей въ лавру Троицкую. Здѣсь преподобный игумень призываетъ его въ стадо свое, и Василій полагаетъ въ сердцѣ своемъ вступить въ ряды иноковъ обители, если то угодно будетъ Богу.

Но Богу угодно было лишь чрезъ годъ только исполнить это горячее желаніе юноши, и этотъ годъ томленія духа посреди уже чуждаго сердцу міра былъ какъ бы срокомъ искуса твердости его произволенія и первымъ серьезнымъ опытомъ побѣды въ борьбѣ съ міромъ, плотію и діаволомъ. Страхъ невѣдомаго пути иноческаго, любовь и жалость къ престарѣлымъ и одинокимъ родителямъ, привязанность къ родному крову,—все преодолѣлъ въ себѣ юный подвижникъ любви ради Божіей и весело потекъ въ избранную обитель, напутствуемый благословеніями родителей и

молитвами старца—наставника. Послѣдній же и самъ вскорѣ затѣмъ переселился въ лавру Троицкую, а отсюда и въ горнія обители, предъ кончиною принявъ св. схиму съ именемъ Григорія.

Теперь, какъ это и обычно у Господа утѣшать рабовъ своихъ въ началѣ ихъ подвига, въ душѣ послушника Василия былъ сплошной праздникъ и ликованіе. Но вотъ Отецъ Небесный уже ведетъ его и далѣе на путь превосходнѣйшій. Василій начинаетъ вскорѣ тяготиться постояннымъ и неизбѣжнымъ въ многолюдной лаврѣ шумомъ мірскимъ; духъ его тоскуетъ, ища свободы, въ уединеніи; лавра кажется уже тѣсною, а тихая Геосиманія,—созданіе великаго Филарета, митрополита Московскаго,—все сильнѣе манитъ его къ себѣ.

Старецъ и монастырское начальство съ благословеніемъ отпускаютъ добраго юношу подъ благодатную сѣнь Геосиманскаго скита, гдѣ онъ и водворяется, вновь благополучно укрывшись отъ міра. Здѣсь въ благочестивомъ собраніи многихъ старцевъ-подвижниковъ перстъ Божій указываетъ ему еще иного руководителя-отца въ лицѣ монаха Даниила, почти 20 лѣтъ подвизавшагося отшельникомъ въ убогой лѣсной хижинѣ-келліи, у дверей которой постоянно толпился народъ, жаждущій слова правды отъ устъ праведника-прозорливца. Золотое сердце крылось подъ суровой внѣшностью подвижника, и юный послушникъ Василій всей душой прилѣпился къ нему, а чрезъ него и къ Богу.

Тихо, годъ за годомъ и счастливо идетъ подъ мудрымъ водительствою обоихъ наставниковъ скитская жизнь брата Василия—„слесаря“ (это давній обычай въ монастыряхъ—звать по послушанію), и въ эти первые годы своей иноческой жизни онъ обогачается силами духа, „яко древо, насажденное при исходишихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое“.

А это время плодоношенія уже приспѣло: волею Божіей Василій вновь поставляется лицомъ къ лицу съ міромъ на новомъ послушаніи проводника богомольцевъ въ пеще-

рахъ. Какъ ни тяжело было ему лишеніе тишины и безмолвія, однако достойный питомецъ своихъ наставниковъ въ мирѣ хранитъ сердце свое и на новомъ дѣланіи. А его благоговѣйная настроенность, неизмѣнная кротость и благодушіе при исполненіи послушанія вскорѣ создаютъ ему добрую славу въ средѣ богомольцевъ, поствителей пещеръ, и молодой послушникъ, самъ того не вѣдая, мало-по-малу становится старцемъ-утѣшителемъ.

Теперь устами его перваго наставника схимонаха Григорія, въ преддверіи загробной щизни уже бывшаго, изрѣкается и послѣднее слово о Божіемъ предопредѣленіи ему быть духовнымъ отцомъ-наставникомъ народнымъ и старцемъ-строителемъ обители инокинъ.

— „Симъ питай алчущихъ словомъ и хлѣбомъ, такъ хочетъ Богъ“, закончилъ свое завѣщаніе ученику старецъ Григорій, наканунѣ кончины своей, подавая ему двѣ просфоры и предсказывая о томъ, что имъ будетъ устроены женскій монастырь въ мѣстѣ, гдѣ укажетъ Матерь Божія.

Могъ ли молодой послушникъ спокойно принять такой завѣтъ старческой? Нѣтъ, его смиренію это казалось не въ мѣру тяжелымъ и по времени онъ надѣялся освободиться отъ возложеннаго бремени. Но Господь ускорилъ изытъ изъ среды живыхъ блаженнаго схимника, и Василиій остался съ завѣщаннымъ ему крестомъ старческаго служенія.

Не облегчилъ и старецъ Даніилъ скорбной души его, не снялъ завѣта отчаго, да еще и съ своей стороны подтвердилъ, что „такъ хочетъ Богъ“. И смиренный послушникъ уже не прекословитъ, но покорно преклоняетъ выю подъ крѣпкую руку Божію, хотя все еще, по немощи челоувѣческой и ужасается предстоящихъ скорбей, о коихъ предварилъ его почившій отецъ Григорій. Внимательный къ себѣ и путямъ Провидѣнія, онъ, какъ ведомый, ведется теперь на подлежащій пожизненный подвигъ старческаго окормленія алчущихъ „словомъ и хлѣбомъ“, всѣхъ пріемлетъ въ простотѣ сердца, всѣмъ готовъ послужить на пользу во

славу Божию. И народъ сердцемъ почуялъ въ молодомъ 30-лѣтнемъ старцѣ-послушникѣ своего истиннаго пастыря—отца и съ дѣтской довѣрчивостью шелъ къ нему за словомъ совѣта и утѣшенія.

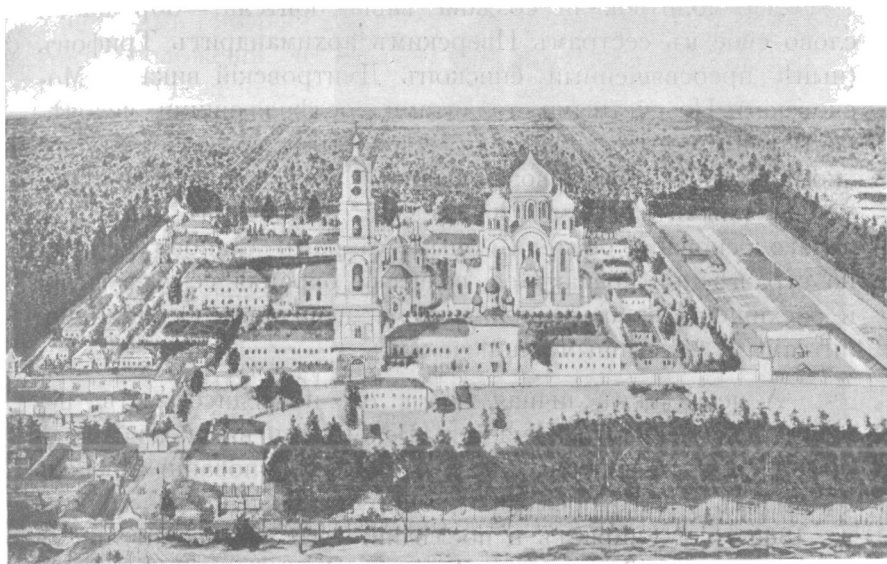
Вслѣдъ за другими приходитъ никому не вѣдомый и Божій посланникъ на помощь къ юному старцу въ исполненіи завѣщаннаго ему строительства обители. Это былъ житель с. Выксы, Нижегородской губ., закоренѣлый раскольникъ Димитрій Пивоваровъ, „случайно“ въ поискахъ истинной вѣры, заглянувшій въ келлію о. Василя и вышедшій потомъ изъ нея духовно обновленнымъ и просвѣщеннымъ. Что и какъ было говорено старцемъ простецомъ въ продолжительной бесѣдѣ съ симъ необычнымъ посѣтителемъ,—неизвѣстно, только слѣдствиемъ этой бесѣды было обращеніе Димитрія въ лоно православной церкви и совершенное его покаяніе въ подвигѣ юродства Христа ради. Этотъ-то блаженный Димитрій и подаль затѣмъ мысль о. Василюю основать иноческую обитель на его родинѣ въ с. Выксѣ.*)

И опять, при самомъ началѣ святого дѣла, созданія обители открывается во всей полнотѣ и силѣ великая вѣра послушника-старца, покорно идущаго за юродивымъ Димитріемъ въ самыя дебри раскола и лжеученій сектантскихъ, идущаго при томъ безъ всякихъ средствъ на то, съ одной лишь крѣпкою надеждою на Промыслъ Божій. Зато какая же чрезвычайная близость божественной помощи является ему теперь!

„Предъ самымъ моимъ отъѣздомъ,—вспоминалъ потомъ не разъ самъ батюшка,—вошли ко мнѣ въ келлію какія-то двѣ женщины, обѣ въ черномъ одѣяніи. Помолясь на святыхъ иконы, одна изъ нихъ подала мнѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ и сказала: „Ты отправляешься въ путь? Съ Богомъ, вотъ тебѣ на это дѣло“. Затѣмъ обѣ онѣ быстро вышли, такъ что я не успѣлъ и спросить—кто онѣ“.

(*) „Иверскій Выксунскій женскій монастырь“, изд. 4-е 1901 года.

Такое, повидимому, неважное обстоятельство было весьма утѣшительно для вѣрующей души о. Василія, и онъ приступаетъ къ начатію великаго дѣла, окрыленный свѣтлою надеждою на успѣхъ. О томъ, какъ такое его „упованіе не посрамило“ его, свидѣтельствуеетъ вся дивная исторія возникновенія и процвѣтанія обители Иверской. Но достаточно и взглянуть только на это дивное созданіе мудраго простеца, чтобы увидѣть, вѣрнѣе почувствовать всю громаду труда и заботъ, подъятыхъ имъ за все время окормле-

Видъ монастыря.

нія ея. Кто же скажетъ, чего стоило все внутреннее и внѣшнее благосостояніе этой по истинѣ „райской“ обители ея родному „кормильчику“, какъ всегда звали старца сестры Иверскія. Положивъ основаніе монастыря на твердомъ камнѣ своей великой вѣры, „кормильчикъ“ велъ мощною рукою его дальнѣйшее устроеніе съ упованіемъ на помощь свыше и увидѣлъ, наконецъ, прекраснѣйшій плодъ своего послушанія и любви къ Богу.

„Эти величественные храмы и другія монастырскія зданія невольно заставляли удивляться неутомимой дѣятельности ихъ строителя, основателя. Простой, неученый, вышедшій изъ народа монахъ, безъ средствъ, благодаря только одному природному уму и неутомимой дѣятельности, съ помощью благотворителей, въ лѣсной непроходимой чащѣ сумѣлъ насадить такой „цвѣтникъ благочестія, создать такую образцовую обитель“!—удивляется старцу мірянинъ писатель г. Дмитріевъ *).

„Не молитвою-ли создана ваша обитель?—обращаетъ слово свое къ сестрамъ Иверскимъ архимандритъ Трифонъ (нынѣ преосвященный епископъ Дмитровскій викарій Московскій). Не суетными талантами, ослѣпляющими человечество, не богатствомъ или ученостью создалъ ее вашъ „кормильчикъ“, нашъ возлюбленный авва, а молитвою вѣры, молитвенными вздохами и слезами“. Поистинѣ такъ! Съ самаго основанія обители юный старецъ становится какъ на стражѣ при вратахъ ея, всячески охраняя ее отъ злобы и расхищенія враговъ видимыхъ и невидимыхъ своими молитвами и неусыпнымъ попеченіемъ.

А межъ тѣмъ личная жизнь его посреди братства пещеръ значительно измѣняется. Вскорѣ къ вящему преуспѣянію юнаго подвижника въ вѣрѣ и упованіи Господь отъемлетъ у него послѣднюю опору и утѣшеніе въ людяхъ: въ 1865 году умираетъ и послѣдній его руководитель въ жизни иноческой—старецъ Даніиль. Затѣмъ умираетъ міру и самъ Василій, а на мѣстѣ его „силою таинства“ возрождается въ мірѣ духовномъ инокъ Варнава и, облеченный во всеоружіе Божіе, восходитъ на высшую степень своего послушанія въ санѣ священноинока, какъ всѣми признанный духовный отецъ и молитвенникъ за міръ.

Всею жизнію оправдывая новонареченное имя, (Варнава—сынъ утѣшенія, дитя милости) старецъ о. Варнава, какъ

---

*) „Въ обитель старца Варнавы“ Дмитріевъ 1898 г.

истинный сынъ утѣшенія, всегда и ко всѣмъ спѣшитъ съ милостію и утѣшеніемъ, какъ бы вынуждаемый на то требованіемъ любвеобильнаго сердца своего.

А въ наши тусклые холодные дни, когда „за умноженіе беззаконія изсякаетъ любви многихъ“, когда людямъ безъ различія ихъ возрастовъ, положеній и состояній тяжело дышется въ душной атмосферѣ современнаго уклада общественной жизни, когда постоянная борьба за существованіе вноситъ разладъ и ожесточеніе въ сердца и умы,—еще болѣе понятно становится великая сила любви благодатнаго старца, какъ магнитомъ привлекавшая къ нему людей изъ всѣхъ слоевъ общества.

Старецъ Варнава.

И знатный сановникъ, утомленный нравственно и физически все возрастающею трудностью служенія царю и родинѣ, и служитель церкви, изболѣвшійся душою за нее, страдающую посреди яростныхъ возстаній всѣхъ силъ ада, и мирный торговецъ-промышленникъ, и забитый горемъ—нуждой безпросвѣтною сѣрый мужичекъ земледѣлецъ,—всѣ идутъ къ батюшкѣ Варнавѣ въ его убогую келлію, какъ къ источнику мира, свѣта и тепла. И наряду съ молчаливой

слезой благоговѣйной любви и признательности къ старцу — утѣшителю отовсюду несутъ ему духовныя дѣтки и посильную дань благодаренія, чѣмъ кто можетъ, жертвуя на дѣло его благотворительности.

Во много-много сотъ тысячъ оцѣнили эти дѣтки батюшки его благодаренія душамъ ихъ, но еще большую цѣну его любви и мѣлости даютъ въ очахъ Божиихъ тѣ незримыя слезы святой радости, съ какими всюду благословляется имя его, какъ молитвенника за всѣхъ.

„Живи, отецъ, твои молитвы
Нужны для родины твоей;
Нужны для тѣхъ, кто въ грозной битвѣ
И кровь и жизнь приносить ей.

Привѣтствуетъ батюшку Варнаву въ день его ангела (11 июня въ 1904 г.) его знаменитый „духовный сынъ О. Н. Плевако“, —этотъ глубокий знатокъ и вѣрный истолкователь запросовъ души и жизни родного народа.

Но теперь съ любовію и благодареніемъ уступаемъ мѣсто правдивому слову другого духовнаго сына о. Варнавы преосвященнаго Трифона, даваго прекрасную характеристику батюшки, какъ человѣка, инока и старца—отца духовнаго.

„Какими особенными добродѣтелями отличался о. Варнава?—задается вопросомъ преосвященный владыка. Апостолъ Павелъ говоритъ, что всякому истинному христіанину дается проявленіе Духа Святаго на пользу. Дары различныя, но Духъ одинъ и тотъ же. Одному дается Духомъ слово мудрости, иному вѣра, иному дары исцѣленій. Сообразно съ нравственными качествами человѣка, его характеромъ, образомъ жизни, воспитаніемъ, и дары даются различныя.

Отецъ Варнава, по моему глубокому убѣжденію, обладалъ даромъ вѣры. Для него не существовало преградъ между нашимъ міромъ и міромъ загробнымъ. Никакой и тѣни сомнѣній и колебаній у него не было въ отношеніи

истинъ вѣры. Все его существо было проникнуто этою вѣрой, всѣ его поступки вытекали изъ этой вѣры.

Но всѣ дары Св. Духа, всѣ эти духовные таланты, если можно такъ выразиться, при постоянномъ совершенствованіи ведутъ къ самому величайшему дару, выше котораго нѣтъ ничего ни на небѣ, ни на землѣ. Даръ этотъ— есть любовь. И про отца Варнаву можно сказать, по слову ап. Павла, что его вѣра была споспѣшествуема любовью. Эта любовь притягивала къ нему, какъ магнитъ желѣзо, людей самыхъ разнообразныхъ положеній. Они открывали ему свое горе, свои нужды, свои не только духовныя, но и семейныя затрудненія, имущественныя, служебныя неприятели. Однимъ словомъ, у нихъ отъ него не было тайнъ. И онъ всегда давалъ имъ добрый совѣтъ, часто носившій пророческій характеръ. Особенно же онъ былъ великъ, когда ему приходилось имѣть дѣло съ слабыми въ вѣрѣ и малодушными людьми. Здѣсь, своей вѣрой онъ ихъ настолько ободрялъ, вдохновлялъ, что долго послѣ этого они смѣло и бодро шли житейскимъ путемъ.

Скажутъ, быть можетъ, нѣкоторые: „Но вѣдь это въ сущности очень легко выслушать исповѣдь человѣка и дать ему совѣтъ“! Нѣтъ, скажу по своему слабому опыту: это чрезвычайно трудно! Скажу болѣе: это невозможно для обыкновеннаго человѣка. Для того, чтобы такъ утѣшить и ободрить человѣка, необходимо ему въ полной мѣрѣ сострадать, а для того, чтобы сострадать человѣку, надо совершенно уничтожить ту духовную преграду, которую ставятъ между нами самолюбіе, чувственность и другія страсти, заставляющія насъ глядѣть на своего ближняго съ недоувѣріемъ, съ сухостью, а иногда даже съ раздраженіемъ и озлобленіемъ. Человѣкъ же истинно-христіанской любви смотритъ на всякаго приходящаго къ нему, кто-бы онъ ни былъ, какъ на самага милаго, дорогого брата или сестру. Онъ весь, такъ сказать, претворяется въ него, живетъ его жизнію, дѣйствительно страдаетъ и мучается его страданіемъ, весь входитъ въ бездну его золь и скорбей, не

только не гнушается его страшныхъ духовныхъ ранъ, но готовъ жизнь отдать за ихъ исцѣленіе. Вотъ почему и дается такому человѣку слово великой духовной мудрости, слово предвѣднія и пророчества, которое своею силою способнымъ дѣлается оживить духовнаго мертвеца. Но не сразу, а путемъ тяжелаго подвига и путемъ внутренней работы надъ самимъ собою и молитвой, человѣкъ достигаетъ духовной высоты. И отецъ Варнава не сразу достигъ такой вѣры и любви, а послѣ долгихъ трудовъ. Онъ былъ необыкновенно строгъ къ себѣ; какую простую подвижническую жизнь велъ онъ молодымъ послушникомъ, такую онъ продолжалъ вести до самой кончины, уже больнымъ старцемъ. Никакихъ поблажекъ себѣ, никакой даже самой невинной прихоти: онъ вовсе не пилъ чая, носилъ самую простую одежду, вкушалъ самую грубую пищу. Что меня особенно въ немъ плѣняло, это то, что удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей для него никогда не было какимъ-то дѣломъ, къ которому надо особенно готовиться. Онъ напримѣръ, кромѣ тѣхъ дней, въ которые ему приходилось, какъ чередному іеромонаху, присутствовать въ трапезѣ,—никогда какъ слѣдуетъ не обѣдалъ, а такъ, перехватить что-нибудь, и опять за дѣло. Онъ никогда какъ слѣдуетъ не спалъ, а такъ „прикурнетъ“, какъ говорится, во всей одеждѣ на своемъ деревянномъ ложѣ съ подушкой, набитой чуть не булыжникомъ, и снова встаетъ на молитву. Бывало совершивъ съ нимъ продолжительную литургію въ домѣ прирѣнія и видя, что онъ торопится уѣхать тотчасъ послѣ службы домой, скажешь ему: „батюшка, да отдохните немножко“! Но онъ обыкновенно шепнетъ, сжавъ мою руку: Прости, не могу, вѣдь тамъ ихъ нѣсколько сотъ дожидается, вѣдь они все скорбные, несчастные“! И какую любовью въ это время звучитъ его голосъ! И съ ранняго утра до поздней ночи открыты были двери его кельи, кромѣ времени богослуженія, которое онъ посѣщалъ неопустительно, неся тяжелую череду священнослуженія, какъ всякій обыкновенный іеромонахъ“.

Его свыше тридцатичетырехлѣтняя чреда священнослуженія закончилась въ памятный для всѣхъ духовныхъ дѣтей его день 17 февраля 1906 года.

„Неустанный служитель Бога, закончимъ и мы жизнеописаніе старца о. Варнавы словами иного еще почитателя памяти его,—профессора Д. И. Введенскаго,*)—и скончался у престола Божія. Трудникъ на нивѣ людскихъ сердець и почилъ отъ трудовъ своихъ на этой трудовой нивѣ: онъ предать боголюбивый духъ свой Богу во время духовнаго врачеванія, при совершеніи таинства исповѣди въ Сергіево-Посадскомъ домѣ призражня. Удовлетворивъ духовной потребности одной изъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ дочерей, онъ съ крестомъ въ рукахъ прѣслѣдовалъ изъ предалтарія верхняго придѣла домової церкви въ алтарь и здѣсь опустился въ епитрахили и поручахъ... Видѣвшіе это думали, что старецъ усталъ, что онъ упалъ отъ утомленія... Но оказалось, что волею Божіею уже оборвалась нить трудовой жизни старца, что духъ его переселился въ вѣчность. Порвалась видимая связь съ временной жизнью. Но зато, съ этого же мгновенія стала сказываться и вся несокрушимость незримой, связующей не только живыхъ, но и умершихъ, силы—силы любви... Она оказалась сильнѣе смерти... Тотчасъ же послѣ его кончины начались безпрестанныя панихиды... Умножились и слезы любви. Любовь оплакивала кончину старца, любовь и погребала его. Поэтому погребеніе его отличалось рѣдкой торжественностію. Нашлись люди, которые испросили разрѣшеніе сокрыть его останки подъ поломъ пещернаго храма, а не на общемъ кладбищѣ, гдѣ первоначально была приготовлена и могилка для о. Варнавы. Нашелся и готовый гробъ, который сдѣлалъ для себя благочинный пещеръ, о. Досиѳей. По расположенію къ старцу онъ уступилъ ему то, что готовилъ для себя. На отпѣваніе старца-трудника прибыли три Московскихъ архіерей: преосвященные Трифонъ, Евдокимъ и Никонъ, намѣст-

---

*) „Старецъ-утѣшитель“. Д. Введенскій. 1906 г. Изданіе Геосиманскаго скита.

никъ лавры—архимандритъ Товія, инспекторъ Академіи—архимандритъ Іосифъ, старшая братія Лавры, скита и подвѣдомственныхъ Лавръ монастырей. Гробъ почившаго во время отпѣванія окружила непроницаемая стѣна его почитателей—людей всѣхъ сословій и званій—и богатыхъ, и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ. Неподдѣльное чувство скорбящей любви видно было на всѣхъ лицахъ. При этомъ многіе изъ присутствовавшихъ такъ переполнены были чувствомъ скорби, что не могли сдерживать въ себѣ горечи духовнаго одиночества. „Батюшка, дорогой, ты все давалъ

Могилъ Батюшки.

въ жизни мнѣ“, „вѣдь ты, ты исцѣлилъ меня“, „отрада жизни моей“— вотъ тѣ возгласы, которые время отъ времени прерывали на мгновение печальный трогательный обрядъ погребенія... Съ этими же возгласами, вырвавшимися изъ глубины любящихъ сердецъ, и опустили въ могилку труженическое тѣло въ Бозѣ почившаго старца. Знаменательно при этомъ и самое отшествіе почившаго на вѣчный покой. Его пронесли,

какъ никогда,—чрезъ алтарь—мимо престола Божія. И вотъ какъ произошло это. Гробъ трудно оказалось пронести къ

могилѣ по узкому корридорчику, который велъ въ пещеру. Оставался прямой, болѣе свободный, ходъ черезъ алтарь. Здѣсь и пронесли старца. Вдумываешься во все это, зрираешь на народную любовь къ нему, на рѣдкую кончину его и невольно преклоняешься предъ такимъ служителемъ правды, который никогда не остывалъ въ своей вѣрѣ, не тяготился людскою доукою, не истощался въ добродушной отзывчивости, который слѣдилъ за каждымъ, открывающимся для воздѣйствія благодати, сердцемъ. Да, истинно, что любовь, святая любовь никогда не умираетъ...

II.

„Всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу“. (1 Кор. 9, 22).

„Благодать Господа нашего Иисуса Христа съ вами и любви моя со всеми вами о Христѣ Иисусѣ“. (1 Кор. 16, 23—24).

Нѣтъ больше силы, чѣмъ любовь. Любовью жилъ и ей одной служилъ полвѣка старецъ о. Варнава. Въ чемъ состояло и какъ проявлялось это служеніе его, хорошо вѣдомо тѣмъ, кто имѣетъ счастье называть себя его духовнымъ чадомъ. А для тѣхъ, кому не судилъ Господь опытно познать на себѣ величіе дѣлъ его отеческой любви и милости, пусть послужатъ въ назиданіе и утѣшеніе предлагаемые здѣсь рассказы и воспоминанія о почившемъ старцѣ его духовныхъ дѣтей, устно и письменно сообщенные ими обители Иверской,—этой ближайшей очевидицѣ и неложной свидѣтельницѣ славной жизни своего великаго во смиреніи отца и кормильчика.

а) „По долгу священства, въ прославленіе Бога, дивнаго во святыхъ своихъ,—пишетъ къ настоятельницѣ мона-

стыря председатель Городецкого отдѣла Союза Русскаго народа, окружный миссіонеръ священникъ Владиміръ Орловъ,—имѣю честь сообщить нижеслѣдующіе случаи изъ жизни приснопамятнаго блаженнаго старца іеромонаха Варнавы, свидѣтельствующіе о его прозорливости.

1) Болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, когда я служилъ все-нощную въ монастырскомъ соборѣ (о. Владиміръ—бывшій священникъ Иверскаго монастыря) вмѣстѣ со старцемъ Варнавою, онъ мнѣ сказалъ: вотъ, сынокъ, тотъ человекъ святой, который отслужить литургію, причастится и тутъ же въ алтарѣ предъ престоломъ Божиимъ помретъ“. Я тогда не понималъ значенія этихъ словъ, а когда послѣдовала блаженная кончина сего святого старца, именно когда онъ предалъ свою праведную душу въ руки Божіи, склонивъ къ престолу свою голову и держа въ рукахъ крестъ Христовъ,—я уразумѣлъ значеніе этихъ вышеизложенныхъ его ко мнѣ словъ, коими онъ такъ задолго предрекалъ свою кончину.

2) Часто посѣщая Москву по должности миссіонера, я нерѣдко останавливался въ квартирѣ священника-академика П. Ив. Доброва (на Грачахъ). Батюшка религіозный человекъ и мой задушевный другъ, но онъ не вполне признавалъ достоинства о. Варнавы. Въ минувшую Пасху (1907 г.) я былъ въ Москвѣ и вновь, по обычаю, посѣтилъ о. Павла. Онъ со слезами на глазахъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай о дарѣ предвѣдѣнія будущихъ событій блаженнаго старца Варнавы, а именно: „во время минувшей японской войны въ его приходѣ, Никола на Грачахъ, жило одно семейство запаснаго рядового солдата, котораго назначили во вторичную службу въ Манчжурію. Жена его убивалась, день и ночь плакала о томъ, что ея кормильца возьмутъ на войну, убьютъ. Что она будетъ дѣлать съ кучею дѣтей—7 человекъ?! И вотъ въ такой бѣдѣ пришла она однажды къ о. Павлу, прося сообщить ей, когда пріѣдетъ о. Варнава въ контору купца Ив. Ѳедор. Рубцова. Въ скоромъ времени о. Павлу пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующаго

разговора о Варнавы съ этой женщиной. Последняя, услыхавъ, что о. Варнава въ конторѣ у Рубцовыхъ, съ горькими слезами вошла туда же. Но прежде, чѣмъ она отъ слезъ могла сказать что-либо, о. Варнава сказалъ ей: „ну что, неразумная, плачешь! Твоего мужа не возьмутъ въ солдаты. Но лучше бы тебѣ было, если бы его взяли, да на твое горе его не возьмутъ. А ты родишь сына, назови его Серафимомъ, онъ будетъ монахъ отъ чрева матери“. И дѣйствительно ея мужа въ солдаты не взяли, а женщина, по слову о. Павла, родила младенца (скопца отъ чрева матери) величиною съ двухгодовалого ребенка и безъ болѣзни. О. Павелъ его крестилъ и назвалъ его Серафимомъ. А мужъ несчастной этой женщины сталъ пить вино, бросилъ жену и дѣтей, много разъ терзалъ ихъ безъ милосердія, завелъ себѣ незаконную жену; такъ что отъ горя эта несчастная женщина неоднократно покушалась на самоубійство.

3) Тогда же И. Ѡ. Рубцовъ сообщилъ мнѣ еще случай. Его сынъ,—воспитанникъ одного средняго учебнаго заведенія г. Ярославля, во время англо-бурской войны сбѣжалъ изъ дома съ товарищами, чтобы ѣхать въ Африку на помощь къ Бурамъ. „И вотъ мы съ женою три дня были въ страшномъ горѣ, во всѣ концы Россіи разослали телеграммы о поимки сына и уже отчаялись найти его. Я рѣшился съѣздить въ Сергіевскую лавру къ о. Варнавѣ просить его молитвъ и совѣта, что дѣлать. вмѣстѣ со мною туда же ѣхалъ одинъ студентъ—атеистъ, который, узнавъ о цѣли моей поѣздки къ о. Варнавѣ, попросилъ меня взять его къ сему „чудотворцу“, и я взялъ. Взошедши въ келлію о. Варнавы, я со слезами взялъ у него благословеніе, а онъ, не выслушавъ еще отъ меня ни слова, сказалъ мнѣ: „ну, что ты плачешь?! Твоего сына завтра же привезутъ въ Москву съ другими 18-ю товарищами на такой то вокзалъ“. А къ студенту подошелъ и, благословляя его, сказалъ: „ты окончишь курсъ первымъ, женишься, будешь прекрасный семьянинъ и увѣруешь въ Бога“.

И все это исполнилось въ точности“.

б) „Единственный мой сынъ,—пишетъ въ обитель въ 1907 г. извѣстный въ литературномъ мѣрѣ С. Нилусъ о своемъ общеніи съ почившимъ старцемъ,—Сергій въ маѣ 1901 года окончилъ гимназію и поступилъ на университетскіе курсы Московскаго лицея въ память цесаревича Николая. Начиналась его новая самостоятельная жизнь, и мы рѣшили съ нимъ съѣздить къ о. Варнавѣ за благословеніемъ на новый путь. Узнавъ въ лаврѣ, что Батюшка дома, мы взяли извозчика и отправились къ Черниговской. Здѣсь у крылечка келліи старца стояло человѣкъ съ двадцать въ ожиданіи его возвращенія изъ посада, куда онъ поѣхалъ, какъ мы узнали потомъ, къ какой то генеральшѣ, которая строить пріютъ. Чтобы не терять даромъ времени мы съ сыномъ отправились въ Виѣанію, чтобы поклониться гробу пр. Сергія и помолиться у гробницы великаго митрополита Платона. По дорогѣ въ Виѣанію я все думалъ объ о. Варнавѣ и очень скорбѣлъ, что быть можетъ, намъ такъ и не удастся его повидать, не удастся и сыну принять его годатнаго старческаго благословенія „на новый путь“.

И, вдругъ, неожиданно для меня въ мой головѣ мелькнула мысль: а я бы еще выпросилъ у старца его портретъ съ собственноручной надписью. Подумалъ такъ и вслѣдъ забылъ.

Въ Виѣаніи кромѣ насъ никого не было. У святыхъ воротъ стоялъ послушникъ, а другой послушникъ водилъ насъ по Виѣанскимъ святынямъ. Поклонились мы гробу Божьяго угодника и только что успѣли положить поклонъ послѣднему на землѣ жилищу митрополита Платона, какъ увидели бѣгущаго къ намъ послушника, того, что встрѣтилъ насъ у воротъ.

— „Батюшка Варнава васъ обоихъ къ себѣ требуетъ!“—еще издали позвалъ насъ этотъ послушникъ.

— „Гдѣ онъ? да какъ онъ объ насъ узналъ?“

— „Ничего не знаю. Батюшка васъ дожидается у св. воротъ“.

Мы побѣжали, что было духу. У Виѳанскихъ воротъ стояла запряженная въ одну лошадь, крытая съ поднятымъ верхомъ, плетеная пролетка; на козлахъ сидѣлъ кучеръ, а изъ подъ верха пролетки выглядывала на насъ головка сѣденькаго старичка—монаха необыкновенно живыми, ясными, добрыми, ласковыми, но вмѣстѣ такъ и пронизывающими насквозь всего человѣка глазами. Тутъ мы въ первый разъ увидѣли того, кто былъ извѣстенъ скорбной душѣ русскаго вѣрующаго человѣка подъ незабвеннымъ именемъ батюшки Варнавы.

„Вамъ благословія мое нужно“?—встрѣтилъ насъ съ сыномъ такими словами о. Варнава: „а тебѣ, сказалъ онъ обращаясь къ сыну, стоявшему въ студенческой формѣ, „нужно мое благословіе на новый путь? Такъ ѣзжайте за мною!.. А ваше здоровье какъ“?—спросилъ онъ неожиданно, обращаясь уже лично ко мнѣ. Я былъ совершенно здоровъ.

— „За ваши святыя молитвы, отвѣтилъ я, слава Богу“!

— „Ну, да ладно! ѣзжайте же за мною ко мнѣ“!

И батюшка, благословивъ насъ, быстро покатилъ въ своей закрытой пролеткѣ по направленію къ Черниговской. Мы, конечно,—за нимъ, едва вскачь поспѣвая на заморенныхъ извозчичьихъ кляченкахъ.

— А, вѣдь это я вамъ отца Варнаву-то оборудовалъ: „онъ ѣхалъ мимо Виѳаніи, а я его догналъ да и оборотилъ: сказалъ, что господа его желаютъ видѣть“.

Точно холодной водой облили меня эти слова. Бѣдный малый думалъ угодить и на чаекъ заработать, а не вѣдалъ, что родъ сей знаменій и чудесъ ищетъ и что такія извозчичьи рѣчи сразу въ нашемъ сердцѣ низвергли прозорливость старца до низинъ обыденной человѣческой встрѣчи... Подъѣхали мы къ Черниговской въ одно время. Батюшка зашелъ въ лавочку у св. воротъ, взялъ мелочи, далъ своему кучеру и быстрой походкой пошелъ съ нами по направле-

нію къ своей кельѣ. Народу, его поджидавшего, значительно прибавилось, и всѣ тѣснились къ старцу, оттирая насъ отъ него. Слышались разныя восклицанія, изъ которыхъ на разныя голоса выдѣлялось выкрикиваемое слово: „Батюшка! батюшка!.. Насъ, было, совсѣмъ оттерли отъ батюшки.

— „Ну, вы подождите! подождите, говорю вамъ“!—громко сказалъ старецъ: „а вотъ со студентомъ-то, со студентомъ вы идите со мной“!

Толпа сразу раздалась и пропустила насъ къ старцу.

— „Ну, а здоровье-то ваше какъ?—опять спросилъ меня о. Варнава, когда мы уже поднимались на ступеньки его крылечка.

— За ваши молитвы, батюшка, слава Богу“! отвѣтилъ я, но мнѣ что-то отъ этихъ словъ вдругъ стало не по себѣ

Какимъ то крюкомъ, не то палкой Батюшка открылъ наружную дверь своей кельи и въ темной прихожей опять обернулся ко мнѣ и опять съ тѣмъ же вопросомъ о моемъ здоровьѣ.—Я смущенно отвѣтилъ:

— „Слава Богу“!

Старецъ взглянулъ на меня пристально, что-то подумалъ, или помолился, это было одно мгновеніе, и вдругъ весело сказалъ:

— „Ну, а если слава Богу, то и слава Богу“! И съ этими словами ввелъ насъ обоихъ въ первую комнатку своей кельи. На старенькомъ писменномъ столѣ, покрытомъ старой клеенкой, лежалъ небольшой металлическій образъ Св. Николая. Батюшка взялъ его со стола, поднялъ его надъ нашими головами (мы стали на колѣни) и сказалъ:

— „Вамъ нужно было мое благословеніе. Такъ запомните-жъ мое слово: Святитель Николай и въ семь вѣкѣ и въ будущемъ будетъ вамъ заступникъ и ходатай!.. Да благословитъ Господь твой новый путь!“—крестя насъ и от-

давая икону, сказалъ моему сыну батюшка... Потомъ подумалъ немного и обратился ко мнѣ со словами:

— „А я тебѣ свой патреть дамъ“!

Такъ и сказалъ батюшка: „патреть“.

Это то уже было чистою прозорливостью. У меня въ сердцѣ закипѣли слезы... Вѣрующіе знаютъ это сладкое чувство!.. Изъ другой своей комнаты батюшка вынесъ свою фотографическую карточку и подаль мнѣ.

— „Батюшка!“—сказалъ я, задыхаясь отъ волненія: „благословите что-нибудь написать на ней своей ручкой“!

— „Эхъ, другъ, некогда!.. Ну, да, ладно!—и батюшка тутъ же написалъ: „Иеромонахъ Варнава 1901 г. іюня 18“.

Эта святынька цѣла у меня и понынѣ“.

— „А я тебѣ и еще свой „патреть“ дамъ, сказала батюшка: вотъ моя обитель Иверская (брошюрка), а въ ней мое изображеніе.

Возьми себѣ, да навѣсти когда обитель!.

Тутъ я не утерпѣлъ, чтобы не сказать святому старцу скорбь моей помѣщичьей души о томъ, какъ нѣтъ уже больше силъ бороться съ надвигающимся разореніемъ, а за сына просилъ его молитвъ о томъ, чтобы сердце сыновнее до конца сохранило страхъ Божій.

„Будеть, будетъ страхъ Божій у него въ сердцѣ,—отвѣтилъ батюшка: онъ у тебя пятую заповѣдь помнитъ... И, вотъ, что еще я скажу тебѣ, другъ: какъ моя мать звала меня кормильчикомъ, такъ я тебѣ про твоего сына скажу: онъ будетъ тебѣ кормильчикомъ...“

Какъ имя твое? Я отвѣтилъ:—„Сергій“!

Въ другой комнатѣ кельи показался батюшкинъ послушникъ:

— „Запиши-ка двухъ Сергѣевъ: они оба хорошіе, объ нихъ молиться надо!.. Да благословить васъ Господь!“

А Святитель Николай и въ семь вѣкѣ, и въ будущемъ—вашъ ходатай и заступникъ“!

Это были къ намъ послѣднія слова великаго старца и, всѣмъ сердцемъ вѣрую, угодника Божія. Съ тѣхъ поръ я не видалъ уже больше батюшки, а осенью того же года заболѣлъ такой тяжелой болѣзью, что въ январѣ 1902 г. едва не умеръ. Спасло чудо Божіе не безъ молитвъ великаго старца Варнавы, велѣвшаго занести мое грѣшное имя въ свой помянникъ. Слава Богу Милосердному! Слава святымъ Его молитвенникамъ на грѣшной нашей землѣ!

А вотъ что произошло съ одной знакомой мнѣ особой, немолодой уже дѣвушкой, рѣдко чистаго сердца, но одно время нѣсколько своеобразно вѣровавшей и хотя остававшейся въ тѣсномъ общеніи съ Матерью Церковью, но не любившей ни монастырей, ни монаховъ. Не называя ея фамиліи, назову ея подлиннымъ ея именемъ. Татьяна Егоровна—такъ зовутъ эту особу—жила еще очень недавно въ Москвѣ, у Храма Христа Спасителя. Быть можетъ, она и теперь еще тамъ здравствуетъ: я видалъ ее въ послѣдній разъ, вскорѣ послѣ моей встрѣчи съ о. Варнавой.

По профессіи Татьяна Егоровна акушерка, съ очень хорошей практикой, въ богатыхъ московскихъ домахъ, но вѣчно нуждающаяся, потому что она на свой довольно значительный заработокъ всегда смотрѣла, какъ на достояніе всѣхъ неимущихъ. Подъ впечатлѣніемъ моей встрѣчи съ батюшкой я завелъ съ Татьяной Егоровной рѣчь и о немъ и спросилъ ее, знаетъ ли она его?

— „Знаю“,—былъ отвѣтъ: „ не только знаю, но почитаю въ немъ Божьяго угодника—прозорливца. Онъ разбилъ всѣ мои мудрованія о монастыряхъ и о монашествующихъ и увѣрилъ собою, что и въ наше время есть еще святые на нашей грѣшной землѣ. Вотъ что было со мною... Помните, какого шуму въ интеллигентномъ обществѣ надѣлала англичанка Кэтъ Марсденъ, открывшая въ Сибири, среди инородцевъ цѣлые поселки, зараженные проказой? Подняла

она тогда на ноги все, что въ Россіи еще не утратило сердца; задѣла она за живое и мое сердчишко. И вотъ задумала я бросить все и ѣхать въ Сибирь къ прокаженнымъ. Завела я переписку по этому поводу съ уѣзднымъ начальствомъ того края, о которомъ повѣдала Кэтъ Марсденъ; стала получать и отвѣты,—словомъ упорно готовилась принести себя въ жертву ради любви Христовой. Дѣло мое налаживалось и уже дошло до того, что я собралась распродать свое несложное имущество, забрать кое что изъ своихъ пожитковъ и ѣхать въ далекую Сибирь. Никому, рѣшительно никому, я неговорила ни о своихъ намѣреніяхъ, ни о своей переписки, все таила въ себѣ и повѣряла только одному Богу, предъ которымъ изливала всю свою душу, прося Его благословить мой предстоящій подвигъ. Почти наканунѣ окончательныхъ моихъ тайныхъ сборовъ я зашла къ близкимъ моимъ знакомымъ, чтобы проститься съ ними, и здѣсь узнала, что они съ минуты на минуту ждутъ о. Варнаву.

— Кто это о. Варнава? спросила я.

— „Да развѣ Вы не знаете о. Варнаву отъ Черниговской у Троице-Сергіевой Лавры“? Я слышала о немъ коекакіе рассказы, но не придавала имъ значенія: очень ужъ я не любила тогда монаховъ. И мнѣ было обидно, что вечеръ у близкихъ для меня людей оказался испорченнымъ. Я рѣшила посидѣть немного для приличія и удалиться во-свояси; но прежде, чѣмъ я успѣла привести свое намѣреніе въ исполненіе, въ передней раздался звонокъ и въ столовую, гдѣ мы сидѣли за чайнымъ столомъ, вошелъ быстрой походкой старичекъ—монахъ съ наперстнымъ крестомъ на груди, сопровождаемый толпой домочадцевъ богатаго дома моихъ знакомыхъ. Я отошла къ сторонкѣ, чтобы не мѣшать изліяніямъ чувствъ домохозяевъ и, пользуясь нѣкоторой суматохой, хотѣла ускользнуть незамѣтно изъ дома. Но не утаилась я отъ о. Варнавы.

— „А это у васъ кто“?—спросилъ онъ хозяевъ, взглянувъ на меня. Меня представили.

— „Э, да какая-жъ ты у меня хорошая!“—У меня шевельнулось въ сердцѣ враждебное чувство: и чего онъ у меня вдругъ вздумалъ заискивать? Не знаетъ меня, въ первый разъ видить, а называетъ хорошей!.. Все это монашеское ханжество и лицемѣрие!.. А батюшка не унимался; взялъ меня за голову да и говорить:

— „Хорошая-то, хорошая, да не хорошее думаетъ! Пойдемъ-ка со мною въ другую комнату, да поговоримъ по секрету“!

Я, полусознательно подчиняясь какой-то невѣдомой мнѣ власти въ голосѣ старца, смиренно пошла за нимъ въ сосѣднюю гостиную. Старецъ затворилъ за собою дверь; сѣлъ на диванъ, усадилъ меня съ собою рядомъ... „Сядь ко мнѣ поближе“! сказалъ онъ ласково, но съ тою же властью въ голосѣ. Я подвинулась и сѣла съ нимъ рядомъ... Опять что-то гадкое и враждебное зашевелилось въ моемъ сердцѣ: Старецъ взялъ мою руку въ свою... Мнѣ еще тяжелѣе стало на сердцѣ, еще непріязненнѣе...

— „Скажи мнѣ, дочка, что ты такое задумала въ своей головушкѣ? Иль тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ? Иль ты здѣсь совсѣмъ бесполезна и никому не нужна? Зачѣмъ, родная, ты собралась *туда* ѣхать“?

— Я обомлѣла и, внѣ себя, ничего не чувствуя, ничего не сознавая, тихо отвѣтила старцу, какъ другу, какъ отцу, или матери родной:

— Батюшка! тамъ подвигъ, тамъ страданіе: некому утѣшить, некому придти на помощь... Всѣми забыты, всѣми отвержены!.. Тамъ гибнуть люди, всѣмъ чужіе, ненужные, никому!..

— „Такъ ли все это, дочка? А здѣсь, при томъ дѣлѣ, на которое тебя привелъ Господь, развѣ нѣтъ страданій? Развѣ не нужно утѣшенія, не могутъ развѣ и здѣсь гибнуть люди, которыхъ тебѣ Господь пошлетъ по твоему пути? На кого ты этихъ то бросишь, *тебѣ* извѣстныхъ? А для

чего? Чтобы бѣжать невѣдомо куда, невѣдомо зачѣмъ, на дѣло, которому ты не обучалась, къ людямъ, которыхъ ты и языка то не знаешь?.. На твой путь, на твой крестъ тебѣ даны силы; а будутъ ли онѣ тебѣ даны на крестъ самоизвольный? Гордость это, дочка, а не подвигъ: не хотимъ незамѣтнаго, малаго да опредѣленнаго Богомъ каждому по его силамъ, а хватаемся за большее, да не наше... Слушай, дочка, что я, грѣшный іеромонахъ Варнава, тебѣ скажу: „нѣтъ тебѣ Божьяго благословенія на путь туда,—оставайся здѣсь и здѣсь Господь благословитъ твой подвигъ. А туда, если Богу нужно, пойдутъ другіе, которыхъ на то Господь призоветъ“.

Я, какъ малый ребенокъ, рыдала на батюшкинымъ плечѣ, и легко, свѣтло и радостно было на сердцѣ. Всю душу обновилъ во мнѣ старецъ. А онъ, благодатный, сидѣлъ около меня, гладилъ своею ручкой мою голову и только приговаривалъ:

— „Такъ, такъ, дочка! Да благословитъ тебя Господь, да утѣшитъ, да успокоитъ. Такъ, моя родимая!“

Я не поѣхала и теперь, каждый день благодарю Бога и уже вѣрую, что между монахами есть святые, а отъ моего суемудрія въ вѣрѣ православной и слѣда не осталось“.

в) „По благословенію батюшки Варнавы собрались мы, рассказываетъ присный по духу сынъ старца А. В. К-въ, въ Кіевъ на богомолье и порѣшили выѣхать изъ Москвы втроемъ (я, мой двоюродный братъ Н. М. Ш-въ и племянникъ Т. М. К-въ) 28 іюня. Это было въ 1882 году. Но батюшка настоятельно совѣтовалъ намъ выѣхать въ Петровъ день, а нѣ наканунѣ его, и мы покорились, къ величайшему нашему благополучію.

Оказалось, что тотъ поѣздъ, съ которымъ мы должны были бы выѣхать наканунѣ Петрова дня, весь цѣликомъ погибъ въ Кукуевской катастрофѣ! По прибытіи на другой день къ мѣсту крушенія мы увидѣли страшную картину

человѣческихъ страданій: погнбло едва-ли не 1000 челов., и никто еще не приступаль къ спасенію ихъ—живыхъ... Тутъ-то мы поняли, почему не пустиль насъ батюшка изъ Москвы 28 іюня“!..

г) „Пріѣхала я однажды въ 1905 г. къ батюшкѣ Варнавѣ,—разсказываетъ жительница г. Москвы г. Грачева, а батюшка вмѣсто обычнаго привѣта вдругъ и говоритъ мнѣ:—„Что это ты надумала въ такое время ѣхать, вѣдь, слышно, забастовка будетъ на жел. дор., какъ поѣдешь обратно въ такую смуту?!..

Спѣши скорѣе назадъ, да смотри не закружись“!.. Что же это, думаю, даже и передохнуть-то не даль батюшка, ужъ и обратно торопить. А батюшка и еще настойчивѣе повторяетъ мнѣ, чтобы торопилась назадъ, да не закружилась бы гдѣ. И поѣхала я тотчасъ же обрятно. На вокзалѣ, гляжу, народу почти никого нѣтъ, служащіе всѣ какіе-то развеселые. Сѣла въ вагонъ совсѣмъ пустой. Поѣздъ тронулся и съ мѣста до Москвы летѣлъ безъ остановки. Вагонъ въ пути такъ сильно колыхался изъ стороны въ сторону, что я не чаяла и доѣхать до Москвы. Но за молитвы старца все же обошлось благополучно мое путешествіе, и я съ радостью покинула вагонъ по пріѣздѣ на вокзалъ. Но тутъ то вотъ и довелось испытать, что значило слово батюшки: „не закружись“.

Сошла на платформу и закружилась, не знаю, куда направиться къ выходу съ вокзала: вездѣ народъ толпится растерянно въ ожиданіи поѣзда и никто никакъ не добьется толковаго отвѣта отъ станціонной прислуги; масса полиціи силится охранять порядокъ... Въ суматохѣ я ужъ взмолилась къ кому-то, чтобы хоть провели меня до извозчика. Спасибо, добрый человѣкъ не отказаль, вывелъ меня на улицу. Вотъ какъ ясно видѣль все даже до мелочей, нашъ родимый батюшка!

Вотъ почему я и не начинала никогда ничего важнаго безъ его благословенія. И слово его всегда исполнялось въ жизни моей. Такъ, когда сынъ мой задумаль жениться

и писалъ мнѣ изъ М, съ мѣста своей службы, прося благословенія на то, я первымъ долгомъ отправилась къ батюшкѣ за совѣтомъ и благословеніемъ. Узнавъ отъ меня причину моего посѣщенія, старецъ спросилъ, какъ я-то сама думаю о выборѣ сына моего. Я же никогда не видѣла и не знала его невѣсты и потому сказала батюшкѣ, что слышала отъ другихъ, что она имѣетъ гордый нравъ. Батюшка на это и говоритъ мнѣ какъ бы въ какомъ-то раздумьѣ: „хоть и женится, хоть и не женится твой сынъ, ему все-же придется жить одиноко“!.. Какъ-то жутко стало мнѣ отъ этихъ словъ батюшки; а онъ на прощанье и опять повторилъ мнѣ тоже самое о судьбѣ сына.

Владиміръ (такъ звали моего сына) женился на своей избранницѣ и уже имѣлъ потомъ ребенка, а вскорѣ все же и остался одинокъ: жена оставила его и онъ теперь живетъ одинъ, какъ и предрекалъ старецъ Божій“.

„Въ октябрѣ 1905 г., рассказываетъ м. М.—казначей Иверской обители, бывши въ Москвѣ по дѣламъ обители, я на двѣ недѣли задержалась тамъ по случаю желѣзнодорожныхъ забастовокъ. Потомъ съ первымъ поѣздомъ спѣшу къ старцу на пещеры и застою его въ какомъ-то необычномъ для него удрученномъ состояніи духа: онъ весь какъ-то согнулся, осунулся и потемнѣлъ съ лица будто. „Батюшка, говорю ему, да что же это такое, что-то и неслыханное никогда творится,—какія-то забастовки?! А старецъ на это мнѣ лишь кратко отвѣтилъ: „вся темная сила поднялась на Россію! Но силенъ Господь и Онъ спасетъ Царя! Нужно молиться и св. архистратигу Михаилу. А ты, дочка, прибавилъ батюшка, спѣши въ обитель: еще не все кончено... прольется кровь!“... И дѣйствительно, въ концѣ ноября было прислано въ Москву войско для усмиренія вооруженнаго возстанія.

д) „Въ теченіе 30-ти лѣтъ моего знакомства съ батюшкою мнѣ много разъ приходилось бывать у старца по разнымъ житейскимъ надобностямъ, пишетъ московскій домовладѣлецъ В. А. Г-въ, и много разъ я испытывалъ на себѣ силу

его молитвъ. Теперь приведу два примѣра, свидѣтельствующіе и о дарѣ прозорливости благодатнаго старца.

Я обратился къ батюшкѣ за благословеніемъ на одно предпріятіе. Старецъ не совѣтоваль начинать это дѣло и говорилъ: „у васъ съ этимъ дѣломъ будетъ много непріятностей“. Я же все просиль его благословить. Тогда батюшка вышелъ изъ кельи на крыльцо, поглядѣлъ на небо, подумаль и сказалъ: „если вы только такъ просите, благословляю“. Получивъ благословеніе, я приступиль къ дѣлу.

Все шло благополучно, пока не сдѣлаль я публикацію, съ которой и начались всѣ непріятности. Акцизное вѣдомство пожаловало ко мнѣ на квартиру, сдѣлало протоколъ и обвиняло меня по двумъ уголовнымъ статьямъ, въ которыхъ указывалась моя виновность и отвѣтственность за мои поступки. По одной статьѣ закона—штрафъ въ 600 руб., по другой—3 мѣсяца тюремнаго заключенія. Дѣло отъ мирового судьи перешло на сѣздъ, гдѣ слушалось три раза и, несмотря ни на какіе доводы акцизнаго вѣдомства, судъ меня оправдалъ. Въ то время, когда дѣло мое было на сѣздѣ, я обратился къ о. Варнавѣ посовѣтываться и рассказалъ о своемъ положеніи. Старецъ благословиль меня, обѣщаль помолиться, подумаль немного и сказалъ: „Вамъ ничего не будетъ“. Слова батюшки совершенно сбылись.

Еще случай. Одинъ мой близкій родственникъ задумаль жениться и сдѣлаль уже балъ въ день благословенія. Потомъ они съ невѣстой отправились къ батюшкѣ Варнавѣ за благословеніемъ на женитьбу. Старецъ же сказалъ жениху, что свадьбы не будетъ. А когда тотъ заявилъ, что ихъ уже благословили, батюшка опять повториль, что „хоть и благословили, а свадьбы не будетъ“.

Послѣ сего мой родственникъ узнаеть про свою невѣсту такія вещи, послѣ которыхъ жениться уже никоимъ образомъ нельзя было, и предсказаніе старца сбылось“.

е) Три случая, въ коихъ явился даръ прозорливости и молитвенная помощь батюшки Варнавы, рассказываетъ

М. Д. Усовъ—преданнѣйшій духовный сынъ батюши Варнавы.

„Въ 1900 г. я получилъ срочный подрядъ строительныхъ работъ на сумму 250 тысячъ руб. Работы эти производились въ С.-Петербургѣ по Забалканскому проспекту и по условію онѣ должны были закончиться не позже 15 октября того же года, иначе мнѣ приходилось заплатить 50 тысячъ руб. неустойки. Будучи мало опытенъ по этой части, я ошибся въ смѣтѣ расходовъ и употребилъ на постройку весь свой капиталъ, а къ окончанію ее не привелъ. Оставалось еще много неисполненныхъ работъ, но денегъ не хватило, и даже занять было не у кого. Въ глубокой душевной скорби вздумалось мнѣ обратиться за утѣшеніемъ къ о. Варнавѣ.

Я описалъ ему свое безвыходное положеніе и просилъ молитвенной помощи. Совершенно случайно, въ первыхъ числахъ августа, о. Варнава посѣтилъ меня и, выслушавъ о моемъ горѣ, какъ бы недоумѣвая, сказалъ: „—чего же тебѣ надо“?

— Денегъ,—отвѣтилъ я.

Онъ промолчалъ и удалился въ сосѣднюю комнату, пробылъ тамъ одинъ не болѣе 3 минутъ, затѣмъ вышелъ ко мнѣ и спросилъ: „сколько нужно денегъ“?

— Тысячъ пятьдесятъ.

— „Если потребуется тебѣ двѣсти тысячъ, и то принесутъ. Окончишь постройку своевременно“.

Эти пророческія слова глубокочтимаго старца успокоили меня. Я искренне повѣрилъ ему и вечеромъ слѣдующаго дня поѣхалъ проводить его на вокзалъ.

На обратномъ пути со мною поравнялся купецъ Г. Ф. Шустровъ *), остановилъ экипажъ и предложилъ мнѣ присѣсть къ нему. Разговорившись о дѣлахъ, я выразилъ нуж-

---

*) Извѣстный благотворитель.

ду свою и, къ великому изумленію моему Г. Ф. тутъ же съ полною готовностью обѣщаль дать мнѣ 50 тысячъ, что и исполнилъ. Дѣло подвинулось быстро впередъ, но и опять произошла остановка. Потребовалось и еще 25 тысячъ. Обратиться къ Шустрову мнѣ было крайне тяжело. Но по молитвамъ о Варнавы Господь избавилъ меня отъ печали. Случайно пришли взглянуть на мою постройку два банкира и, узнавъ, что мнѣ необходимо еще 25 тысячъ руб. на окончаніе ея, предложили ссудить нужную сумму. Работа опять закипѣла и была успѣшно окончена даже на одни сутки ранѣе срока.

Въ 1904 г. я встрѣтилъ батюшку на вокзалѣ жел. д. и усадилъ въ свой экипажъ.

Дорогою старецъ и говоритъ мнѣ:

— „Ты, сынокъ, возьми для меня билетъ на обратный путь съ вечернимъ поѣздомъ, я сегодня уѣду“.

Посланный мною приказчикъ мой принесъ проѣздной билетъ для батюшки, и я положилъ его въ свою выручку. Около часа дня о. Варнава зашелъ ко мнѣ въ лавку и всѣхъ благословилъ. На мое замѣчаніе, что проѣздной билетъ готовъ, онъ улыбнулся и сказалъ:

— „О нѣтъ, сынокъ, меня не посадятъ на поѣздъ“.

— Не имѣютъ права не посадить,—возразилъ я. Батюшка молча вышелъ изъ лавки и уѣхалъ.

Я растерялся и не зналъ, чѣмъ объяснить столь загадочныя слова его.

Открывъ же выручку, смотрю билетъ и что же? На немъ вмѣсто сегодняшняго числа помѣчено завтрашнее... Конечно, служащій тотчасъ же отправился обмѣнить билетъ. Но каково же было наше общее удивленіе происшедшему...

Въ послѣдній разъ батюшка посѣтилъ меня незадолго предъ кончиною въ февралѣ 1906 г. и совершенно нежи-

данно. Тогда у меня были гости и женихъ моей дочери— Н. И. Б. Мы всѣ чрезвычайно обрадовались батюшкѣ, а онъ, между прочимъ, обратился къ жениху съ такими словами:— „Вотъ тебѣ мое послушаніе: первую недѣлю говѣть и постомъ рѣже ходить къ невѣстѣ“. Затѣмъ обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:— „А тебѣ мое послушаніе: „дѣлай свадьбу маленькую“.

— Батюшка! вѣдь это дѣло не мое, а жениховой стороны,—возразилъ я.

— „Ты слушай, что тебѣ говорятъ“,—внушительно промолвилъ облагодатствованный старецъ.

Но мы не послушались его наставленія и назначили свадьбу на 30 апрѣля, пригласивъ до 200 чел. гостей. За заказанный въ кухмистерской обѣдъ дали задатокъ 100 р. еще въ мартѣ мѣсяцѣ. Вдругъ, безъ всякой видимой причины, отецъ жениха въ половинѣ апрѣля опасно заболѣлъ. Врачи назначили ему операцію, болѣзнь все усиливалась и на скорое выздоровленіе была потеряна всякая надежда. Стало уже не до баловъ... И пришлось намъ, отказавшись отъ задатка, дѣйствительно сдѣлать „маленькую“ свадьбу въ моемъ помѣщеніи, какъ и говорилъ намъ дивный старецъ“.

ж) Житель г. Нижняго (М. Г. Т—въ) сообщилъ обители слѣдующее.

„Во время ярмарки я имѣлъ магазинъ въ пассажѣ, и въ холерный годъ мнѣ случалось часто видѣть случаи внезапныхъ заболѣваній изъ среды публики ярмарочной. Это такъ сильно подѣйствовало на меня, что отъ испугу у меня открылся гемморой и сильно потомъ мучилъ меня нѣсколько лѣтъ. Однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ собираюсь я въ Москву и къ батюшкѣ. Въ началѣ пути я чувствовалъ себя удовлетворительно, а потомъ и начались мои страданія. Ни сидѣть, ни лежать. Изъ Москвы ѣду къ батюшкѣ за молитвенной помощью, но не застаю его дома, говорятъ—дня

черезъ три прїѣдетъ. Въ скорби захожу къ о. Порфирію—келейнику батюшки и прошу его передать батюшкѣ, что я очень боленъ и прошу его св. молитвъ. Съ трудомъ добираюсь обратно до Москвы и зову доктора, который по осмотру заявилъ, что мнѣ необходима операція. Мнѣ становилось все хуже и хуже, я метался безъ сна и пищи два дня. Лишь подъ утро на третій день я могъ заснуть нѣсколько минутъ и потомъ почувствовалъ себя лучше. Четвертую ночь по прїѣздѣ въ Москву я спалъ хорошо, днемъ даже ходилъ по дѣламъ, хоть и съ трудомъ, а вечеромъ уже имѣлъ возможность и выѣхать въ Нижній. Домой прїѣхалъ совсѣмъ здоровый, и послѣ болѣзни эта уже не возвращалась. Я сознавалъ, что это исцѣленіе я получилъ за св. молитвы батюшки Варнавы и поспѣшилъ къ нему съ благодарностью. „Батюшка, вы меня исцѣлили!“ говорю ему. „Не я тебя исцѣлилъ, а угодники Кіевскіе“, отвѣчаетъ мнѣ старецъ смиренный. Я предлагаю ему самому указать мнѣ, что принести ему въ даръ. Батюшка сказалъ, чтобы я соорудилъ евангеліе для обители Иверской, что я и исполнилъ съ любовію“.

з) „Пребываніе ваше въ нашемъ домѣ“, пишетъ старцу въ 1903 г. его духовный сынъ, нѣкто С. Леонтьевъ, изъ Петербурга,—„было такъ кратковременно, но сколько добрыхъ сѣмянъ посѣяли Вы въ мою душу, дорогой батюшка! Какъ освѣтили Вы своимъ благословеніемъ всю мою жизнь, полную отчаянія, и сколько благихъ надеждъ подарили Вы мнѣ!.. Вы завѣрили меня, что чрезъ годъ Вы встрѣтите меня совершенно здоровымъ, и я не могу теперь не вѣрить Вамъ послѣ того, что опишу ниже.“

Позволю себѣ напомнить Вамъ, что до посѣщенія Вашего я все время и безъ пользы лѣчился у докторовъ. Но вотъ явились Вы и увѣрили меня, что я здоровъ!.. И дѣйствительно, съ Вашего посѣщенія и благословенія вотъ уже 3 мѣсяца прошло, какъ я пересталъ лѣчиться и чувствую себя гораздо лучше!.. Теперь я уже не отчаиваюсь и въ совершенномъ исцѣленіи. И вотъ еще фактъ! Вскорѣ послѣ

Вашего посѣщенія у меня настолько разболѣлся палець ноги, что я волей-неволей принужденъ былъ его показать врачу. Докторъ нашель необходимую операцію и какъ можно скорѣе, иначе возможно зараженіе крови. Я уже помнилъ Ваше обѣщаніе мнѣ полнаго исцѣленія и на операцію не согласился, предавшись въ волю Божию. Я въ то-же время горячо молился Богу, призывая и Ваши св. молитвы, дорогой батюшка, а въ душѣ трепеталъ за себя,—такъ еще мало вѣры у меня!... Но,—чудесное дѣло! Что не возможно было для докторовъ, возможно у Господа: нога моя, хотъ и нескоро, совершенно зажила и теперъ не осталось и слѣда болѣзни!...

Кромѣ того, послѣ Вашего посѣщенія мнѣ улыбнулась и служебная карьера (я служу въ Государств. Контролѣ въ департаментѣ военной и морской отчетности). Вскорѣ я былъ переведенъ къ новому начальнику, который меня сразу полюбилъ и приблизилъ къ себѣ. Вообще жизнь моя съ Вашего посѣщенія стала болѣе радостною во всемъ! Мало прибѣгавшій къ Богу, я сталъ болѣе приближаться къ Нему. И во всю мою остальную жизнь я буду молиться за Васъ, дорогой о. Варнава; не оставляйте и Вы меня своими молитвами, такъ близкими къ Богу!...

и) Московской губ., с. Нары-Оминской подрядчикъ г. Зайцевъ сообщилъ, что у доктора Г. была сильно больна дочь, такъ что уже отчаялись и помочь ей. По прїѣздѣ батюшки Варнавы жена доктора обратилась къ старцу съ просьбою помолиться объ ея умирающей дочери. Батюшка, благословляя ее, сказалъ: „Богъ милостивъ,—будетъ здорова!“ Присутствовавшій при этомъ г. Зайцевъ крайне усумнился въ такомъ словѣ батюшки, зная, что больная при смерти. Но по отѣздѣ о. Варнавы недѣли черезъ двѣ онъ узнаеть, что больная оправилась и уже выходитъ.

і) Цѣля недуги тѣлесныя, отецъ Варнава врачевалъ и душевныя болѣзни. Такъ, его присный и преданнѣйшій духовный сынъ Т. Т. Т.—въ передаетъ о себѣ слѣдующее.

„Пріѣхалъ какъ-то разъ батюшка ко мнѣ и усердно, убѣдительно просилъ дать ему нѣкоторую сумму на нужды обители Иверской. А я—грѣшный—и самъ не знаю почему, вдругъ не только отказался исполнить его просьбу, да еще и началъ завѣрять, что у меня нѣтъ денегъ. Но батюшка нѣсколько разъ и убѣдительно просилъ дать ему хоть взаймы и обѣщалъ скоро возвратить. Я же стоялъ на своемъ, рѣшительно говоря, что у меня нѣтъ свободныхъ денегъ. И старецъ Божій оставилъ меня. Но что же? Я всю ту ночь такъ мучился въ душѣ, такъ совѣсть угрызала меня, уличая въ обманъ, что я едва-едва дождался разсвѣта и рано поутру помчался въ посадъ къ батюшкѣ, захвативъ съ собою вдвое больше, чѣмъ сколько просилъ батюшка. И подѣхавъ къ пещерамъ, я прямо бѣгу къ батюшкѣ. А онъ... уже на крылечкѣ стоитъ и издали еще говорить мнѣ, что „давно ужъ дожидается меня“!.. Со слезами раскаянія палъ я тутъ ему въ ноги и просилъ прощенія въ грѣхѣ своемъ. Родной батюшка простилъ, конечно, и успокоилъ меня, а принимая деньги, замѣтилъ только: „вѣдь я отъ великой нужды беспокоилъ тебя, сыночек“!..

Вотъ немного изъ великаго множества подобныхъ же свидѣтельствъ исполненія на блаженномъ старцѣ слова апостола: „служившіе добръ степень себѣ добръ снискають и многое дерзновение въ вѣрѣ, яже о Христѣ Исусѣ“. (1 Тим. 3, 13).

III.

Посреди таковыхъ и многократно прежде уже повѣданныхъ міру дѣлъ старческаго служенія о. Варнавы, первое мѣсто по своему величію и явленій въ немъ силъ вѣры и любви почившаго, безспорно займетъ достославное дѣло созданія и всесторонняго окормленія имъ великой обители Иверской. Нынѣ, въ юбилейный годъ своей полувѣковой жизни, обращая мысленный взоръ за 50 лѣтъ назадъ, къ началу своего бытія, обитель съ благоговѣйной любовію

взираетъ на своего кормильчика—батюшку, тогда еще послужника Василия, за послушаніе полагающаго и основаніе ея, и преклоняясь предъ величіемъ духа его, славить Бога, воздвигшаго въ дни наши сего яркаго свѣтильника въры и благочестія. Дивная исторія вознокновенія и процвѣтанія монастыря, начинаясь концомъ 1863 г., повѣствуетъ о томъ, какъ сей блаженный старецъ-послушникъ, ведомый Десницею Вышняго, приходитъ глухою осенней порою въ чащу лѣсную на мѣсто предызбранное и благословенное свыше и здѣсь предначинаетъ великое дѣло пламенной молитвой къ Отцу Небесному. Затѣмъ, сотворивъ поклоненіе вездѣсущему Богу на всѣ четыре стороны, онъ приступаетъ и къ начатію самаго дѣла созданія обители, въ основаніе которой полагается имъ собственноручно ископанное въ землѣ знаменіе креста. А далѣе, самъ ничего неимущій, онъ уготовляетъ пріютъ безпріютнымъ, и съ весною слѣдующаго 1864 года пустыня оживаетъ: являются люди, спѣшно создается домъ—убѣжище для сиротъ и вдовиць, приходятъ и двѣ юныя дѣвы—первоначальныя подвижницы великой въ будущемъ обители Иверской. Какъ истинный отецъ своего дѣтища, въ заботахъ о юной обители, онъ не разъ потомъ посѣщаетъ ее, чтобы самому на мѣстѣ видѣть ея нужды и восполнить ихъ всѣмъ потребнымъ къ жизни и благочестію. Затерявшійся въ лѣсной глуши, въ мрачныхъ дебряхъ окружающаго раскола, одинокій богадѣленный домикъ наводилъ грустныя думы о дальнѣйшей судьбѣ его, и въ душѣ о. Василия возникаетъ сомнѣніе: тутъ ли долженъ быть устроенъ имъ монастырь? А совѣтника нѣтъ могущаго разрѣшить и снять тяготу съ души его. И вотъ, полный тревоги за жизнь обители, въ одно изъ такихъ посѣщеній, стоитъ онъ на крыльцѣ богадѣльни и слезно молится Богу, Ему вручая совершеніе начатаго за послушаніе дѣла.

А темное дотолѣ отъ нависшихъ тучъ небо вдругъ какъ бы разверзлось надъ самымъ домомъ и яркимъ радужнымъ лучомъ осіяло его. Пораженный и утѣшенный та-

ковымъ знаменіемъ Божія благоволенія къ мѣсту сему и обители, блаженный отецъ благословилъ Господа, всегда близъ сущаго призывающимъ Его во истинѣ, и успокоился за свое дѣтище.

И оно быстро возрастаетъ во славу Божію подъ мудрымъ водительствомъ старца—отца, на глазахъ теперь уже немногихъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей его рожденія и первыхъ лѣтъ, постепенно преобразовываясь изъ богадѣльни въ общину, а затѣмъ и въ монастырь—тихое пристанище полутысячной семьи сиротъ почившаго батюшки.

Нужно ли нынѣ говорить о томъ, какъ сила Божія рукою смиреннаго старца воздвигала на мѣстѣ пустынномъ всѣ эти величественные храмы, огромные корпуса—келліи, различныя хозяйственныя службы и проч?!.. Внѣшняя сторона жизни обители достаточно полно очерчена въ исторіи ея; а о томъ, что и какъ пережито ею вмѣстѣ съ кормильчикомъ за эти полвѣка и какъ создалась духовная краса ея внутренней жизни, могла бы повѣдать одна лишь святая могила старца—строителя, но она безмолвна!..

Немного скажутъ о томъ и тѣ, кому выпало на долю счастье въ теченіе 50 лѣтъ съ любовью, удивленіемъ, а подчасъ и съ великимъ недоумѣніемъ созерцать дѣла Божіи, творимыя въ обители рукою кормильчика-батюшки. Лишь неземнымъ восторгомъ засвѣтятся старческія очи этихъ его сподвижницъ, да слеза умиленія порою блеснетъ въ нихъ, какъ помянуть онѣ лѣта первыя родной обители, какъ посмотрятъ на нее, почти разоренную въ годы страшнаго искушенія *), а теперь такую великую и славную... И во весь ростъ встаетъ передъ ними тогда свѣтлый образъ родного кормильчика, и предъ величіемъ его молча склоняются главы ихъ, ибо истанная любовь молчалива...

Заканчивая нынѣ первое полустолѣтіе своей жизни, обитель радостно завершаетъ и послѣднее, начатое въ ней

---

*) Иверскій ж. монастырь 1901 г. Нестроеніе въ обители.

батюшкой дѣло сооруженія Троицкаго храма. Предметъ особыхъ заботъ и хлопотъ старца за послѣднiе годы его жизни, величественный храмъ этотъ по смерти его остался лишь вчернѣ только отстроенымъ и, за неимѣнiемъ средствъ на окончанiе его внутренней отдѣлки, долгое время стоялъ наглухо закрытымъ. Не было, казалось, и надежды на возможность скораго освященiя его: старца—отца не стало, м. игуменiя Павла († 16 февраля 1908 г.) была старица слабая, больная, средствъ въ осиротѣвшей обители недостаточно было даже и на самыя существенныя нужды ея!..

И лишь по вступленiи въ управленiе монастыремъ нынѣ здравствующей настоятельницы и ея ближайшей помощницы—казначеи началось и закончилось внутреннее благоустройство сего храма и совершилось освященiе всѣхъ трехъ придѣловъ его.

Достойно замѣчанiя тутъ пророческое слово старца о томъ, что на долю этихъ двухъ сотру-

Троицкiй соборъ.

дницъ выпадеть довершить начатое имъ построенiе храма. Это было въ 1897 г. при закладкѣ его. Покойная игуменiя Павла за-

мѣтила батюшкѣ: „Кормильчикъ! ужъ какую ты огромную постройку затѣваешь, а самъ-то вѣдь слабый такой становишься, ну, помилуй Богъ, что съ тобой случится, что намъ и дѣлать тогда съ такимъ храмомъ“?!— „А я такъ нисколько и не забочусь: вотъ онѣ мнѣ его докончатъ!“! отвѣтилъ старецъ, съ отеческой лаской указавъ на этихъ, въ то время еще совсѣмъ молодыхъ послушницъ. Тогда за шутку приняли это его предреченіе, нынѣ сбывшееся во-очію всѣхъ, какъ сбылось почти уже и все, нѣкогда предсказанное имъ о славѣ обители. Но само собою разумѣется и очевидно для всѣхъ, что та же благодатная сила вѣры, присущая великому духу старца и заложенная имъ въ основаніе обители, подвигла и нынѣ сердца благотворителей на дѣло благое и укрѣпила ихъ благословенное намѣреніе довершить начатое имъ во славу Божию созданіе и благоуукрашеніе великаго храма.

Сначала на горячій призывъ о помощи осиротѣвшей обители робко отозвались трое преданнѣйшихъ духовныхъ дѣтей батюшки Варнавы, и ихъ усердіемъ былъ воздвигнутъ иконостасъ средняго алтаря, освященіе котораго и было совершено въ августѣ 1909 г. преосвященнымъ Назаріемъ Нижегородскимъ (нынѣ архіепископъ Херсонскій) въ сослуженіи епископа Муромскаго Евгенія. А потомъ уже и прочіе благотворители обители изъявили желаніе послужить ей отъ имѣній своихъ и общими силами соорудить иконостасъ праваго придѣла со всею алтарною обстановкою. Иконостасъ лѣваго придѣла—всецѣло жертва одной боголюбивой души. Освященіе обоихъ придѣловъ храма было совершено въ 1912 году при высокаторжественной обстановкѣ. Правый придѣлъ освященъ митрополитомъ Московскимъ Владиміромъ (нынѣ С.-Петербургскимъ) въ сослуженіи владыкъ Нижегородскаго Іоакима и Ростовскаго Іосифа, лѣвый двоими послѣдними архіереями. На тѣ же благотворительскія средства ко дню предстоящаго юбилейнаго торжества будутъ установлены и послѣднія части иконостаса пилоны (колонны), чѣмъ и довершится возведеніе этой

сплошной золотой стѣны грандіозныхъ размѣровъ и высокой цѣнности.

Теперь, когда сестры обители уже видѣли, что этотъ громадный храмъ (вмѣстительностью на 5000 челов.) былъ тѣсенъ во дни минувшихъ торжествъ (по случаю освященія его) для всѣхъ богомольцевъ, онѣ невольно вспоминаютъ отвѣтъ батюшки на ихъ недоумѣнные вопросы: зачѣмъ такой большой соборъ застроилъ, батюшка, здѣсь—въ глуши? „Вѣдь безъ Васъ-то, батюшка, не разъ бывало говорили онѣ ему, мы и совсѣмъ заглохнемъ тутъ“!

— „Вотъ что, дѣти, отвѣчалъ старецъ:—молитесь теперь, пока свободно, а то придетъ время, сумками затолкаютъ васъ тутъ богомольцы. Вотъ какъ пройдетъ желѣзная дорога близъ обители, такъ что народу-то будетъ у васъ,—тогда вспомнете меня!!! *).

И сестры, увѣрены, что уже недалеко то время, когда будетъ станція желѣзнодорожная близъ обители, какъ говорилъ старецъ.

Лѣтъ 15 тому назадъ прислалъ батюшка въ обитель экипажъ—линейку „для доставки на ней народа на ст. жел. дороги“, какъ самъ онъ объяснилъ тогда же назначеніе этого, совсѣмъ, казалось, ненужнаго и неудобнаго экипажа, до сей поры хранящагося здѣсь безъ всякаго употребленія.

Вспоминается и другое слово прозорливаго старца, задолго до исполненія его на дѣлѣ сказанное въ утѣшеніе дѣткамъ духовнымъ, скорбѣвшимъ о неудобствахъ пути сообщенія съ обителью. „Батюша! очень ужъ медленно тянется поѣздъ до Мурома, времени много беретъ поѣздка въ вашу обитель!“ жалуются, бывало, ему нѣкоторые благодѣтели.—„Подождите, будете ѣздить только шесть часовъ отъ Москвы до Мурома!“ отвѣчалъ старецъ. И дѣйствительно,

---

*) Въ настоящее время производится изысканіе пути жел. дор. близъ обители.

съ проведеніемъ новой линіи Москва—Арзамасъ поѣзда ходять ровно шесть часовъ изъ Москвы до Мурома.

Нельзя умолчать теперь и о томъ, что нѣкогда было сказано батюшкой во уши всѣхъ сестеръ обители.

„Запомните это, дѣти: Царь и Его семья въ обители вашей будутъ!“... А сказалъ это батюшка не задолго до кончины своей по поводу царской милости обители—Высочайшаго пожалованія ей лѣса 152 десятины. Обрадованный за свое дѣтище, блаженный отецъ нарочито прибылъ тогда въ обитель, чтобы вмѣстѣ съ нею принести благодареніе Богу и помолиться Ему за Государя милостиваго.

И обитель свято хранить вѣру сему слову отца своего, какъ ни тяжело показалось бы оно для слуха иныхъ!..

Но предрекая будущую славу обители, старецъ всемѣрно заботился объ огражденіи ея отъ міра и шума мірскаго. Такъ еще года за 2 до кончины своей онъ заложилъ каменную ограду въ 8^{1/2} арш. высотой и почти въ 4 версты длиною въ окружности. И заложилъ онъ ее какъ-то необычно, частями: тамъ канаву только пророчють (по линіи ограды), тутъ буть забутять, гдѣ часть ограды сложать, а то и пустое мѣсто оставлять...

Опять у сестеръ и рабочихъ недоумѣніе: отчего не подрядъ идетъ кладка ограды?! Но старецъ не высказывалъ тогда прямо, зачѣмъ онъ такъ дѣлаеть это, а говорилъ лишь: „послѣ узнаете и будете благодарить меня! Время приходитъ смутное, тревожное!.. Вотъ какъ понастроятъ жилья-то около васъ, тогда и скажите мнѣ спасибо за ограду!“

И вотъ, когда уже эта ограда почти закончена, стало ясно, зачѣмъ это Батюшка ее частями застроилъ: не будь она такъ заложена имъ, возможно, что по смерти его нужда въ средствахъ, а также и внушенія со стороны заставили бы монастырское начальство значительно сократить 4-хъ верстную линію ея, а тутъ уже было нельзя этого сдѣлать. Такъ мудрый отецъ находилъ способъ предупреждать

и устранять возможность отступленийъ отъ его плановъ и предначертаній.

И теперь обитель во всей своей поразительно величавой красотѣ, какъ созданіе великаго духомъ мудраго простеца,—вѣчный памятникъ его мудрой простоты, его необычайной силы воли и святыхъ стремленийъ ума и сердца ко всему прекрасному, въ чемъ только славилось бы имя Божіе.

Обитель Иверская—это достойнѣйшій памятникъ почившему въ Бозѣ старцу-утѣшителю, воздвигнутый силою его же глубокой вѣры, твердаго упованія и святой любви!..

